

Николай Хрипков

**Зачем ты
воскрес**

Николай Иванович Хрипков

Зачем ты воскрес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70405273

SelfPub; 2024

Аннотация

Главный герой Хоменко Евгений Васильевич встречается женщину, в которую влюбляется. И остается у неё. Жена его признает в обугленном трупе своего мужа. И его заживо хоронят. Когда он пытается объяснить с женой, его жестоко избивают хулиганы. Он теряет память и речь. Его лечат в больницах, потом похищает молодой психотерапевт. Полиция начинает за ним настоящую охоту. Любимой женщине и друзьям удается вернуть его к нормальной жизни. Но до этого ему придется пройти немало испытаний.

Николай Хрипков

Зачем ты воскрес

– Вы, Иван, наследили. И найти вас это было делом времени. По крайней мере, я сделал это без труда. Заведующий психиатрической клиники вспомнил о вас, о вашем интересе к Хоменко. Обычно на таких мелочах и прокалываются новички.

– Вы нас не арестовали. А мы же преступники. Почему? Выходит, что и вы нарушили закон.

– Преступник совершает злодеяние, наносит вред собственности или жизни другого человека. А вы, напротив, хотели спасти. Вот, допустим, кто-то тонет. Человек на берегу садится в чужую лодку, гребет к утопающему и спасает его.

Он преступник? С точки зрения буквы закона, да. Он воспользовался чужой собственностью без спроса. Это, как известно, уголовно наказуемое деяние. То есть он должен был найти хозяина и попросить у него разрешения. По-человечески же он герой. И даже у хозяина лодки, если он не законченный негодяй, не повернется язык обвинять его. И все окружающие люди именно так воспримут эту ситуацию.

– Что ж, вы прояснили свою позицию. Она вам делает честь, – сказал Ударник, поглядывая на остальных: одобряют ли они его слова. Надя согласно кивнула. Иванов покачал головой. – А, может быть, вы просто решили держать нас под колпаком, наблюдать за нами, как подопытными кроликами. А в нужный момент скрутить. Разве не было заведено дела по факту похищения человека? Скажите прямо!

– Это особый случай. И начальство решило, что не нужно заводить никакого дела. Поверьте, так иногда случается в нашей практике. Порой есть преступление, а дела нет.

– Как же это возможно?

– А вот так. Никакого Хоменко официально нет. Он мертв. Есть свидетельство об его смерти. Есть его могила. А мертвых не могут похитить из психиатрической больницы, потому что там держат всё-таки живых людей, а не покойников. Поэтому никакого дела и не может существовать.

– Оказывается, полицейскому начальству не чужда логика, – усмехнулся Ударник.

– Вы сколько угодно можете иронизировать, но дело, как мне кажется, приобретает серьезный оборот. Поэтому я здесь, потому что должен вас предупредить.

Друзья насторожились.

– Что вы имеете в виду?

– Хоменко формально, юридически, по документам мертв. Так? Вы же не будете спорить с этим?

– Поэтому, если он будет по-настоящему мертв, то это не будет никаким преступлением? – спросил Ударник. – Я правильно вас понял, товарищ полицейский? Нельзя же убить покойника?

– Это так, – кивнул Кузмин. – Даже не будут заводить дела, тем более, если и трупа не будет. Снимаются все проблемы и для полиции, и для мэра, у которого сейчас на носу выборы и которому не нужны никакие скандалы. Хоменко мешает всем.

– Вы считаете, что существует угроза его жизни?

– Я уверен в этом. Иначе я бы не пришел сюда. И мы не должны допустить этого. Только мне кажется, что там еще точно не решили, как это сделать и когда. И делать ли это вообще. Может быть, всё само собой рассосется. И никому не придется брать греха на душу. Что это за рисунок у вас?

Это уже к Иванову, который продолжал держать рисунок Хоменко в руках.

– Любопытствуете? Пожалуйста!

Кузмин был поражен.

– Не может быть! Это нарисовал Хоменко? Да, конечно, он. Что же я спрашиваю!

– Хоменко это сделал собственноручно. А вам известна эта женщина?

– Да, известна. Я ее сразу узнал. Воспроизведено с фотографической точностью. Ольга, та самая, у которой он провел последнюю неделю до того, как с ним всё это случилось. Он хотел на ней жениться и домой пошел для того, чтобы сказать, что он разводится.

– Это же замечательно! – воскликнул Иванов. – Значит, есть надежда вернуть его к жизни.

– Он помнит ее. И несомненно, любит. Ведь это рисунок влюбленного человек. От него даже исходит теплота. Вот потрогайте, какая теплая бумага. Он согрел ее своим сердцем.

– Если он ее нарисовал, то значит, он помнит ее, – воскликнул Иванов. – Значит, память его жива. Надо разбудить ее. И мне кажется, что я знаю, как это сделать. Если они встретятся, он вспомнит ее, и это, как цепочка, потянет всё остальное. Непременно надо им устроить эту встречу. Вы же можете устроить эту встречу?

– Возможно эта встреча могла бы вернуть Хоменко, но пока этого нельзя делать, – спокойно проговорил Кузмин. – Так что встречу придется отменить пока. Надеюсь, что ненадолго.

Все хором воскликнули:

– Почему?

– Потому что сейчас никто не должен знать, где Хоменко, иначе мы погубим его. Поэтому пока встреча с Ольгой невозможна. Нужно соблюдать тайну. Это в ваших интересах.

– Сколько это будет продолжаться?

– Я не знаю. Возможно, пока не пройдут выборы. Тогда они потеряют интерес к нему. Он уже ничем не будет угро-

жать их власти, ни живой, ни мертвый. Но до этого нужно сохранять тайну

– Они – это кто?

– Это те, кому любой скандал может помешать пробиться к власти или остаться во власти. Главная их цель оставаться у власти. А за власть можно пойти на что угодно. Тут действуют законы джунглей.

– Так серьезно?

– Более чем.

– Они не успокоятся, пока не уничтожат Хоменко, я правильно вас понял? – спросил Ударник.

– Он опасен, пока не прошли выборы. Ну, подумаешь, такой форс-мажорный случай. Жизнь их немало подбрасывает. Даже если он воскреснет, он не будет опасен им. Всего лишь курьезный случай. И не сам Хоменко, поймите, представляет для них опасность, а тот общественный шум, который может подняться вокруг него. Шум наверху очень не любят. Они говорят о том, какие они хорошие слуги народа, как они заботятся о нуждах простых людей, а тут вот вам – и газеты, и блогеры пишут о человеке, которого заживо по-

хоронили. И крайними в этом деле оказываются эти самые слуги народа. Они не расследовали как надо это дело, проявили преступную халатность.

– Кажется, вы не очень-то любите наше руководство, – усмехнулся Ударник. – А я почему-то всегда считал, что блюстители порядка надежда и опора правителей.

– Чего мне их любить? Любить надо жену, детей, друзей.

Друзья переглянулись. А этот мент – всё-таки симпатичный парень, хоть и похож на Баскова.

– С этим нельзя не согласиться.

– Если от Хоменко не будет исходить никаких сигналов, я думаю, они не будут ничего предпринимать. В таких случаях бездействие лучше любых телодвижений, которые еще непонятно, чем могут закончиться. Всё-таки спокойней, если бы Хоменко исчез окончательно. Но так, чтобы это произошло вроде как само по себе.

– И что же нам теперь делать?

– Вы, Иван, засветились в психиатрической больнице. И заведующий сразу вспомнил про ваш визит. Местопребыва-

ние Хоменко мне было установить несложно. Значит, это может сделать, и кто-то другой. Поэтому находиться ему здесь опасно. Его нужно перевезти в другое место, более безопасное, где его не могли бы найти.

– Вы правы, кажется. Я знаю такое место, – сказал Ударник.

– В деревне у бабушки и дедушки? – усмехнулся Кузмин. – Вы же об этом подумали, Иван?

– А вы догадливы.

– Это шаблонное решение. Любой сыщик именно там и будет искать его. Почему-то все уверены, что деревня – это самое надежное и безопасное место.

– А может его, как Ленина, поместить в шалаше у озера. Ищейки собьются с ног. Не будут же они всю тайгу обыскивать, – проговорил Иванов. Не понятно, шутил он или всерьёз.

– Смешно, – вздохнул Кузмин. – Как меня учил старый наставник: решение должно быть такое, которое никогда не придет в голову вашему противнику. А противник о ленинском шалаше знает не меньше вас. Ищейки у него тоже хо-

рошие.

– У вас есть это решение?

– Да. Иначе зачем бы я пришел к вам. Он будет жить у меня. Вот видите, такое вам в голову не могло прийти.

– У вас?

– Конечно. Ведь никому не подумает, что разыскиваемый живет у того, кто его разыскивает. Это противоречит всякой логики. Сейчас это лучшее решение.

– Как вы это себе представляете? Ведь у вас же, наверно, семья.

– Жена с детьми до конца месяца гостит в Москве. Она у меня москвичка. А вот вышла не за москвича.

– А когда ваша семья вернется, что будем делать?

– Будем решать проблемы по мере появления. Загад не бывает богат, как говорила моя бабушка.

Ударник кивнул.

– А вот Саша занимается его лечением.

– Он и будет продолжать заниматься этим. Ничего не отменяем. Запомните мой адрес. Записывать ничего не надо.

– Потом... За ним нужен постоянный присмотр. Конечно, Надя могла бы, но, сами понимаете, это не совсем будет прилично. И вряд ли ваша жена будет довольна, что, когда она отсутствовала, в вашем доме жила другая женщина. Хотя Надя вполне могла бы, она сейчас временно безработная, находится в поиске. Главное, чтобы этот поиск не увел ее на другую траекторию, где меня уже не будет.

– Почему за ним нужен постоянный присмотр? В туалет он ходит самостоятельно, спичками не балуется, памперсы ему менять не надо за неимением таковых. Я ему буду оставлять еду. И потом он же не будет, как ребенок, толкать пальцы в розетки. Ведет он себя вполне разумно. Так что нянечка ему не нужна. Включу ему телевизор, пусть смотрит.

– А еще он любит рисовать, – сказал Ударник. – Вы ему дайте бумагу, карандаши!

– Знаю. Я видел его рисунки в больнице. Да и у вас вот этот портрет.

– А кроме вас, кто-нибудь еще знает, где находится Хоменко? – спросил Ударник.

– Руководство поручило это мне. И то негласно, неформально, чтобы никому и ничего. Поскольку дела никакого не заведено, то и расследованием заниматься нельзя.

Прошли в зал. Хоменко поднял голову и переводил взгляд с одного на другого.

Правда, если и узнал, то не скажет об этом. Ой! Хоть бы кивнул или моргнул одним глазом.

– Ну, что, дружище! Будем собираться! – сказал Кузмин, потрепав Хоменко по плечу. – Нужна курточка с капюшоном, чтобы закрыть лицо. Вам выходить не надо. Лишний раз светиться ни к чему. А чем больше людей, тем больше внимания к нам. За домом не следят, но береженого Бог бережет. Вдвоем мы не так будем заметны. Когда я заходил в подъезд, на скамейке никого не было. Это хорошо.

Собрали Хоменко. Попрощались, похлопав его по спине. Переезд Хоменко воспринял как должное. Никакой нервозности и тревоги не проявил. Был спокоен, как слон. За месяц он переменил уже столько мест, что и новое жилье не удивило его. Кузмин провел его по всем комнатам, показал

туалет и ванную, а затем отшел в зал. Теперь рядом с ним не было людей, к которым он уже привык: Ударника, Иванова, Нади. Но и к Кузмину он отнесся благожелательно. И глядя на него, улыбался. Выбрал себе место на диване. Наискосок от него стоял большой телевизор.

– Ты консерватор, оказывается, – Кузмин улыбнулся. – Своих привычек не меняешь. А привычка – вторая натура. Вот как бы добраться до твоей первой природы?

Он положил перед ним на столики телевизионный пульт, листы бумаги, ручку и карандаши. И в воздухе нарисовал ручкой, что он может рисовать и включать телевизор. Хоменко улыбнулся и прохрипел, благодаря Кузмина. Потом несколько раз кивнул головой.

Вечером подъехал Иванов. На нем было длинное до пят черное пальто, черная шляпа и был завязан шарф почти до самых глаз. В прочем, и глаз было не видно за черными очками. Кузмин рассмеялся.

– Саша! Зачем этот цирк? Сейчас вы похожи на клоуна или шпиона из детских комиксов. Нелепым нарядом вы только обратите на себя внимание. И вас обязательно запомнят. Нужно быть незаметным, серым, как все. Если бы ты пришел в потертых джинсах, футболке и бейсболке, никто

бы не обратил на тебя внимания. Главное уметь слиться с толпой, не выделяться из нее, быть неприметным и неинтересным.

– Извините! В меде нас не учили основам конспирации. Знаете, Максим, вот я о чем подумал. Если Хоменко рисует реальных людей, в том числе тех, которые были в его жизни до того, как все это с ним случилось, может быть попробовать вернуть его с помощью рисунков. Где-то я про это уже читал, так сказать, изотерапия.

– Еще бы и речь ему вернуть.

Иванов кивнул.

– Тут для меня совершенно непонятная история. Я много думал об этом, но все равно не понимаю. Самый разумный ответ в данной ситуации: может произойти, а может и нет. Но будем надеяться на лучшее. У нас ничего, кроме надежды, не остается. В больнице его осматривал специалист и никаких повреждений речевого аппарата не нашел. Значит, ничто не мешает ему говорить. И тем не менее речи у него нет. Допустим, что повреждена та часть мозга, которая отвечает за речь. То есть проблема мозговая, нейропсихологическая. Это усложняет реабилитацию. Его пинали, и вполне возможно, что удары доставались и голове. Хотя врачи ге-

матом на голове не обнаружили. Не было и сотрясения мозга. Наш мозг устроен универсально и обладает компенсирующим эффектом, то есть функцию поврежденных участков мозга могут взять на себя здоровые участки. Вспомните вождя мирового пролетариата. Это же хрестоматийный случай. У него была повреждена значительная часть мозга, омертвление, некроз, и только в последний год жизни он был отстранен от государственных дел. Он продолжал руководить страной в сложнейший период ее истории, принимал нетривиальные решения. Та часть мозга, которая осталась здоровой, взяла на себя функции поврежденных частей. И довольно успешно справлялась с задачей на протяжении нескольких лет.

– Значит, и с Хоменко может произойти что-то подобное?

– Здесь не может быть гарантий. Человеческая психика до сих пор остается тайной за семью печатями. И то и дело подкидывает нам всё новые и новые загадки и ставит в тупик корифеев. Но будем надеяться на лучшее. Ведь, кроме надежды, у нас больше ничего не остается.

ОЛЬГА

Секретарша оценивающе оглядела Ольгу. Так смотрят на

соперниц, которые могут составить конкуренцию.

– Вы записаны на прием?

– А разве нужно записываться? – переспросила Ольга. – Это что новое правило? Я не знала об этом.

Секретарше стало ясно, что перед ней наивная дурочка. Она скривила ярко-накрашенные губы и стала демонстративно рассматривать педикюр, которая сделала вчерашним вечером.

– В прошлый раз я попала на прием к Александру Павловичу без всякой записи.

– Девушка! Не рассказывайте мне сказки. Я вас могу записать... Так!

Она стала листать ежедневник, более посматривая на свои ногти, чем на записи.

– На следующую неделю на пятницу. В десять пятнадцать. Вас устроит?

– Совершенно не устроит. У меня срочное дело, которое не терпит никаких отлагательств.

– Я не понимаю вас, девушка. Чего вы хотите?

– Я хочу попасть к Александру Павловичу. У него сейчас есть кто-нибудь в кабинете? Или может быть, какое-нибудь совещание? Если никого нет, то я пройду.

– Есть ли кто в кабинете или никого нет, вас это совершенно не касается. Если вы не желаете записываться на прием, то прошу покинуть помещение и не мешать мне работать.

Ольга усмехнулась:

– Вы называете работой чистку перышек?

Секретарша приподнялась.

– Мне вызвать секьюрити или вы сами уйдете?

– Секьюрити вы называете мужиков в спецовке, что сидят на первом этаже и обсуждают воскресную рыбалку? Им бы на стройку дома возводить, а они дурию маются.

Дверь резко открывалась. На пороге собственной персональной стоял Александр Павлович. Он переводил взгляд с одной женщины на другую и, вероятно, старался понять, что

здесь произошло.

Он не мог не заметить, что секретарша чрезвычайно растеряна. Потом снова перевел взгляд на Ольгу. Ей было непонятно: узнал ли он ее или нет. Александр Павлович умел прекрасно скрывать свои чувства.

– Что здесь происходит, Людмила?

– Вот... вот эта особа хамит.

– Она что нецензурно выражается, называла вас нехорошими словами? В чем проявилось ее хамство?

– Она хотела попасть к вам в кабинет. Я говорю ей...

– Я всё понял. Проходите, пожалуйста! И не обижайтесь на мою секретаршу. Она порой проявляет излишнюю бдительность.

Он отворил перед Ольгой двери. А когда она вошла в кабинет, отодвинул для нее стул от приставного стола. Он был сама галантность и учтивость. При этом так искренне улыбался. Весь лучился готовностью исполнить любое желание посетительницы. Или почти любое. Хотя еще не знал, с чем она пришла к нему на прием.

– Благодарю вас, Александр Павлович. А вы меня не узнаете?

– Извините, но у меня за день бывает столько посетителей. Что просто невозможно всех запомнить. Хотя такую девушку, как вы, я вряд ли забыл. Пойдите, вспомню!

– Александр Павлович! Я была у вас две недели назад на счет Хоменко Евгения Васильевича. И вы мне пообещали всё разузнать и предпринять нужные меры. После чего вы мне обязательно позвоните. И сказали, что на это уйдет не более трех дней. Я оставила вам номер моего телефона. Но не через три дня, не через три недели так и не дождалась вашего звонка. Вот почему я здесь снова в вашем кабинете.

– Я не позвонил вам. И сделал это сознательно.

– Как? Я не понимаю вас.

– А чтобы вам было всё понятно, позвоните своему другу Кузмину. Надеюсь, у вас есть его телефон.

– Он мне не друг. И почему я ему должна звонить?

– А потому что его непосредственный начальник прика-

зал ему, ну, не то, чтобы приказал, поручил, вести это дело. Найти Хоменко и наблюдать за ним и теми, кто его похитил. Хотя никакого дела официально нет. Но Кузмин должен найти Хоменко и держать его под контролем. Опер он хороший.

– Значит, Кузмин нашел его?

– Не сомневаюсь.

– А почему я вам должна верить? Мне кажется, что вы ведете какую-то игру. Но какую, я не могу понять.

– Я вам даю надежду. А это то, что вам сейчас больше всего нужно. Как же вам не верить мне?

– Почему, Александр Павлович, не возбудить дела официально?.

– Боюсь, что есть серьезные противники этого.

– Господи! Но почему же всё так? Александр Павлович, а вы знаете, где он сейчас? Или это тайна, которую нельзя разглашать? Или вы не знаете? Ну, что же вы молчите?

– Это знает Кузмин. Но я не думаю, что этот секрет он откроет вам.

– Так что же мне делать? Вы понимаете, я с ума схожу, я не могу больше ждать.

– Ольга! Я думал, где может быть Хоменко. И мне кажется, что самое безопасное для него сейчас место – это у Кузмина. Никому в голову не придет, что разыскиваемый живет у опера, который его разыскивает. Вот вы сами подумайте: Кузмин неофициально ведет дело Хоменко, хотя, повторяю, никакого дела нет. Поэтому и неофициально, что никаких документов нет, ни протоколов, ничего. У стрельцов с середины XVI века.

Он выходит на похитителей и убеждает их, что здесь Хоменко находится небезопасно. Если он их обнаружил, то и другие могут найти. А там неизвестно, что будет. И для похитителей это чревато. А где Хоменко не будут искать? У того, кто его ищет. Я так сказать, реконструирую ход мысли Кузмина. Я знаете, и сам в молодости походил в операх.

– Адрес Кузмина у вас имеется?

– Конечно.

Он написал на листике и протянул его Ольге. Ольга заметила, что у него короткие красные пальцы.

– Я вас оскорбила своим подозрением. Вы добрый человек, Александр Павлович. Просто у меня уже нервы начали сдавать. Я последние несколько ночей не могла заснуть.

– Ольга! Позвольте дать вам совет? Не будьте такой доверчивой. Люди вашу доверчивость могут использовать в корыстных целях. Как там у классика: к беде неопытность ведет. Я бы неопытность заменил на доверчивость.

– Вы же мне помогли без всякой корысти.

– Откуда вы знаете? Может быть, и я тоже имею здесь свою корысть. Люди думают прежде всего о собственных интересах, а не о чужих.

Такси ехало очень медленно. Так ей казалось. И она еле удерживалась, чтобы не попросить таксиста добавить газа. Но знала, что они не любят такого рода просьб. Поэтому терпела. То, что говорил ей водитель, она не слышала, потому что вся была в предстоящей встрече. Ее все пугало, что в самый последний момент встреча сорвется. Вот этот дом. Нужный этаж. Она несколько раз нетерпеливо нажала на кнопку. Дверь раскрылась.

Кузмин даже не старался скрыть удивления.

– Как вы здесь? Почему?

Он был в спортивном трико, футболке, на ногах тапочки. То есть явно, что на службу ему в ближайшее время не нужно.

– К нему?

– К нему? К кому?

– Не разыгрывайте дурачка. Разрешите пройти? Или вы меня вышвырните за дверь?

Кузмин отодвинулся к стене. Ольга прошла к гостиной и остановилась на пороге. Хоменко медленно поднял голову, почувствовав, что в комнате есть еще кто-то. Он смотрел на нее, не отрываясь, и медленно поднимался.

– Женья! Ты узнаешь меня? Это я. Ольга, – бормотала она и уже отчаивалась, думая, что всё напрасно.

Он уже стоял во весь рост. Потом шагнул навстречу. Она тоже шагнула вперед.

– Женья! Это я! Неужели ты меня не помнишь? Так не мо-

жет быть. Ты должен меня помнить.

Хоменко беззвучно шевелил губами, глаза его блестели, а руки, которые он протянул вперед, заметно тряслись. Чувствовалось его напряжение, желание что-то сказать.

Ольга сделала еще шаг и взяла его ладони в свои.

– Ведь ты же узнал меня? Я это вижу по твоим глазам. Глаза не могут обманывать. Ты не мог забыть меня, чтобы не случилось с тобой. Ведь так не бывает.

Губы его раздвинулись. Было непонятно: улыбка ли это или нечто иное. Затем вырвался короткий хриплый звук. И потом:

– Ольга!

Глухо, но отчетливо. Она бросилась к нему на шею и заплакала. Он виновато поглядел на Кузмина.

– Я тебя больше никуда не отпущу!

– Оля! Оленька! Я люблю тебя! Почему тебя не было так долго? Я чуть с ума не сошел без тебя! Где ты была всё это время? Почему ты меня оставила? Я так ждал тебя!

ЭПИЛОГ

Ольга и Евгений поженились. Через год у них родилась дочь. Папа в ней души не чаёт.

Хоменко работает в дизайнерской фирме. Его художественные способности оченьгодились ему. Работой он доволен. Коллеги считают его прекрасным человеком.

Нина Хоменко-Канина за год сменила три места работы. Нигде часто не задерживалась. По вечерам часто выпивает. Пьёт в одиночестве. Потому что подруг у нее нет.

Порой напивается. Вольдемар окончательно исчез из ее жизни после того, как они разошлись. Она по-прежнему любит его и верит, что, в конце концов, он вернется к ней.

Кузмин стал крестным отцом дочери Евгения и Ольги. Иногда они по праздникам встречаются семьями. О прошлом никогда не вспоминают, как будто этого кошмара вообще и не было.

Президент после принятия поправок к конституции до

сих пор открыто не заявил: будет ли он избираться на новый срок. Но оппозиция уже готовит план действий на случай, если он пожелает снова избираться.